

Д.Б. Вершинина

Парламентская элита современной Великобритании и проблемы представительства миноритарных групп населения

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы открытости Палаты общин для представителей различных дискриминируемых групп населения: женщин, расовых и этнических меньшинств и т.д. Рассмотрение динамики обновления британского парламентского состава позволяет сделать вывод о степени интегрированности меньшинств в процесс принятия политических решений.

Abstract. The paper considers the problem of renewability of the contemporary UK parliamentary elite in terms of the House of Commons' openness for the representatives of discriminated groups such as women, racial and ethnic minorities, etc. The dynamics of the British parliamentary elite renovation enables to measure the degree of minorities integration in political decision-making.

Ключевые слова: парламент, элита, Великобритания, миноритарные группы, представительство.

Keywords: Great Britain, Parliament, elite, minority groups, representation.

«Кто управляет Британией?» Этот часто встречающийся в британских исследованиях вопрос непосредственно связан с теми трансформациями, которые переживает в начале XXI в. высший законодательный орган страны – Палата общин. Традиционно воспринимаемая закрытым клубом с ограниченным доступом в него нижняя палата британского парламента в течение

последних десятилетий существенным образом обновилась, изменился гендерный и этнический состав представительства. Анализ состава Палаты общин в динамике позволяет сделать вывод о возможностях для выходцев из различных социальных групп влиять на процесс принятия политических решений. Вместе с тем по-прежнему остро стоит вопрос о репрезентативности нижней палаты британского парламента с точки зрения представленности в ней всего разнообразия британского общества. Назначение премьер-министром в мае 2016 г. Терезы Мэй актуализует проблему состава британской парламентской элиты и ее доступности для так называемых миноритарных групп, среди которых оказываются женщины, выходцы из низших социальных слоев, этнические меньшинства, открытые гомосексуалы и т.д.

Вопросы элитологии, интересовавшие видных ученых в XX в. и осмысленные в ряде классических работ [Миллс, 2007; Моска, 1994; Парето, 2011], едва ли могут считаться полем бурных дискуссий в новейшей политической науке. Об определенном согласии современных элитологов по базовым и признанным классическими концептам пишут как российские [Дука, 2008; Мохов, 2014; Гаман-Голутвина, 2016], так и зарубежные исследователи [Khan, 2012]. Вместе с тем возникают вопросы в отношении нарастающего разрыва между диверсифицирующимся обществом и всё более отрывающейся от него верхушкой, обладающей властными и экономическими ресурсами. Очевидно, что в начале XXI в. социологи по-новому обращаются к тем проблемам рекрутирования элиты, о которых писал еще В. Парето, формулируя свою теорию циркуляции элит. В этом контексте актуальным становится исследование того, как быстро и до какой степени готова обновляться британская парламентская элита, под влиянием каких факторов это обновление происходит и отражается ли оно качественно на деятельности британского представительного органа.

На протяжении XIX – первой половины XX в. британский парламент был (и воспринимался исследователями) неким закрытым элитарным сообществом, доступ к которому имели прежде всего представители аристократии. Так, У.Л. Гуттсман писал, что традиционно нижняя палата парламента в Англии была связана с

верхами общества, потому что как минимум до появления массовых партийных организаций или групп давления вроде тред-юнионов, способных спонсировать кандидатов, баллотирование в парламент предполагало существенные траты (до 30 тыс. ф. в XVIII в.), а значит, было доступно лишь обладателям солидных капиталов [Guttsman, 1974, p. 24–25].

В результате состав британского парламента оставался достаточно однородным на протяжении всей своей истории вплоть до окончания Второй мировой войны. Его называли «клубом пожилых мальчиков» (old boys' club). Действительно, типичный парламентарий конца XIX в. – это белый мужчина солидного возраста (48% парламентариев, избранных в 1886 г., были старше 50 лет, а еще 28% были в возрасте от 41 до 50 лет), являющийся землевладельцем или имеющий опыт предпринимательской либо юридической деятельности.

В Викторианскую эпоху парламент был местом, где сосредоточивались землевладельцы (хотя их представительство постоянно сокращалось), предприниматели и юристы, чья доля в Палате общин неизменно увеличивалась. Так, Т. Дженкинс пишет, что в 1840-х годах 90% парламентариев-тори были связаны с аристократией и землевладельцами, а виги отличались от них не слишком существенно: даже в 1886 г. доля землевладельцев и крупных предпринимателей в их парламентской фракции составляла в сумме более 64% [Jenkins, 1996, p. 105].

С включением в двухпартийную структуру лейбористов, ориентированных на поддержку тред-юнионов, социальный состав парламента изменился не слишком существенно, поскольку сами лейбористы традиционно составляли меньшинство в Палате общин: так, в период с 1929 по 1950 г. доля представителей рабочего класса в парламенте не превышала 25% (притом что во фракции лейбористов в середине 1930-х годов рабочие составляли абсолютное большинство депутатов).

Доступ в парламент для женщин был закрыт в Великобритании вплоть до реформы избирательного права, осуществленной правительством Д. Ллойд-Джорджа в январе 1918 г., когда британки получили право избирать и быть избранными в парламент, од-

нако отдельные женщины, появившиеся в Палате общин с этого момента, не меняли политический климат в законодательном органе принципиально. Вплоть до 1992 г. женщина-политик была скорее исключением из правила, а доля женщин в общем количестве членов парламента в 1940–1980-х годах не превышала 5% и лишь на рубеже 1980–1990-х годов стала приближаться к 10% [Jones, Norton, 2013, p. 169].

Среди женщин-парламентариев этого периода едва ли найдется больше пяти известных фигур, да и не все из них выступали активно за привлечение женщин в «политический класс». Так, приход к власти Маргарет Тэтчер, которая стала первой женщиной, занявшей пост сначала лидера консервативной партии (в 1975 г.), а затем в 1979 г. премьер-министра Великобритании, не повлек за собой ни «феминизацию» партии консерваторов и их фракции в парламенте, ни введение женщин в правительственный кабинет. Тэтчер лишь однажды назначила женщину на важный пост: баронесса Янг была лордом-хранителем малой печати и председателем Палаты лордов в 1982–1983 гг.

Более того, именно в 1979 г. выборы привели к рекордно низкому числу женщин в Палате общин. Не случайно многие критики Тэтчер указывали на то, что ее успех следует рассматривать вне контекста борьбы за женское политическое представительство. В статье марксистского автора Р. Бранта «Тэтчер использует свои женские качества», опубликованной в период пребывания Тэтчер на посту британского премьер-министра, утверждалось, что ее политика «ограничена патриархальными ценностями». Премьер-министр никогда не делала заявлений о том, что является представительницей женщин и защищает их интересы [Brunt, 1987, p. 23].

Сама «железная леди», отвечая на вопрос, рассматривала ли она завоевание лидерства в партии в 1975 г. как победу женщин, однажды заметила: «Это не победа женщин. Это – победа политика» [цит. по: Чикалова, 2000, с. 203]. Справедливости ради отметим, что в более поздний период возникла тенденция переосмысления вклада Тэтчер в «феминизацию» британской политики и британской политической элиты. Так, Н. Уолтер в своей книге «Новый феминизм» (1997) утверждала, что Тэтчер «нормализовала женский

успех» и показала, что, «хотя женскую и мужскую власть могут характеризовать разные языки, разные метафоры, разные подходы, разные действия, разные традиции.., они в равной степени сильны, в равной степени ценны» [Walter, 1999, p. 175].

Индивидуальный успех немногочисленных британских женщин в политике действительно не давал возможности говорить о серьезной трансформации политической элиты в сторону большего гендерного баланса. Незначительность представительства женщин в парламенте обусловлена, по мнению большинства исследователей, тем, что вплоть до начала 1980-х годов женщины фактически являлись пассивной категорией избирателей и отнюдь не стремились к участию в политической жизни страны.

Отчасти эту политическую индифферентность англичанок можно объяснить сохранением традиционных представлений о месте женщины в обществе. Следует учитывать, что женщины оставались наиболее консервативной частью британского общества. Они реже, чем мужчины, участвовали в голосовании и чаще голосовали за консерваторов. При этом основную массу голосовавших за консерваторов составляли немолодые женщины, в то время как более молодые предпочитали голосовать за лейбористов.

П. Норрис, анализируя феномен гендерно-возрастного разрыва в политических предпочтениях британского населения, утверждала, что пожилые женщины гораздо более консервативны, чем их сверстники-мужчины, в то время как юные представительницы слабого пола в большей степени склонны к поддержке левой части политического спектра, чем молодые люди [Norris, 1996].

Что касается расовых и этнических меньшинств Британии, то к 1945 г. число их представителей в парламенте не превысило за более чем столетнюю историю четырех человек (впервые наполовину индеец Дэвид Очтерлони Дайс Сомбре был избран в Палату общин в 1841 г., а следующим в парламенте стал лишь в 1892 г. индеец Дадабхай Наороджи). Даже начало в 1950–1960-х годах активной иммиграции в бывшую метрополию выходцев из колоний никак не отразилось на численности представителей расовых и этнических меньшинств в британском парламенте: в течение 1945–1987 гг. все депутаты в Палате общин были европейского происхо-

ждения. Лишь выборы 1987 г. впервые в послевоенной истории позволили четырем представителям расовых и этнических меньшинств стать членами парламента, причем все четверо были избраны от лейбористской партии. Одной из них, к тому же первой афробританкой в законодательном органе, стала Дайан Эббот.

Первый консервативный представитель расовых и этнических меньшинств появился в парламенте в 1992 г., но в целом до 2010 г. рост численности таких парламентариев был несуществен и связан исключительно с лейбористами: избрав в 1987 г. четверых, на выборах 1992–2010 гг. они провели в парламент соответственно 5, 9, 12, 13 и 16 депутатов неевропейского происхождения, в то время как от консерваторов на выборах 1997 и 2001 гг. не победил ни один представитель меньшинств, а на выборах 2005 г. победили только двое [Audickas, Cracknell, Wood, 2016, p. 5]. При этом согласно подсчетам ученых из Института исследований публичной политики, если бы Палата общин была калькой с британского общества, то в соответствии с этническим и расовым разнообразием уже в самом начале XXI в. в ней должно было бы быть не менее 47 депутатов африканского и азиатского происхождения [Ali, O'Cinneide, 2002, p. 8].

Таким образом, в течение второй половины XX в. обе ведущие политические партии Великобритании сохранились как партии мужчин европейского происхождения. Правда, если консерваторы были в XX в. партией состоятельных белых мужчин, то лейбористы были закрытым клубом белых мужчин-рабочих. Интересно при этом, что представители этнических и расовых меньшинств на протяжении последней трети XX в. (с момента, когда их голоса стали существенны в общем количестве избирателей) голосовали почти исключительно за лейбористов. Согласно данным, приведенным Р. Гарбэйем, на всех выборах между 1979 и 1997 гг. (кроме 1987 г.) за лейбористов голосовали от 78 до 86% избирателей из расовых и этнических меньшинств [Garbaye, 2005, p. 52].

В отношении представительства в партии женщин лейбористская партия (несмотря на риторическую приверженность идеям равенства) и в идеологии, и в стиле работы оставалась патриархальной по духу. Как отмечает И. Чикалова, решающую роль в

партии благодаря системе коллективного членства играли шовинистически настроенные в отношении женщин тред-юнионы, особенно традиционные индустриальные союзы с доминирующим мужским составом. В результате вплоть до 1980-х годов в партии доминировала вера «в существование глубинных “естественных” различий между полами, следствием которого является разделение сфер деятельности на “мужские” и “женские”» [Чикалова, 2003, с. 383]. В качестве модели лейбористского активиста выступал член тред-юниона, промышленный рабочий, белый мужчина. В результате такой политики лейбористов вплоть до 1992 г. консерваторы традиционно получали преимущество именно за счет женских голосов. К примеру, наибольший разрыв в предпочтениях избирательниц демонстрируют выборы 1992 г., когда 48% женщин проголосовали за консерваторов и лишь 34% отдали свои голоса лейбористам.

Подсчеты британской исследовательницы П. Норрис убедительно свидетельствуют о том, что если бы в течение XX в. британкам не предоставили право голоса, то весь период с 1945 по 1979 г. был бы временем правления лейбористской партии, за которую тогда голосовало большинство британцев мужского пола [Norris, 1999].

Еще сложнее, а в действительности практически невозможно было до 1980-х годов открыто заявлять о своей сексуальной нетрадиционности и добиваться высоких постов в британской политике. Сексуальная ориентация первой известной лесбиянки в Палате общин Морин Кахун, являвшейся членом парламента с 1974 по 1979 г., была под постоянной критикой со стороны лейбористов, которые пытались лишить Кахун поста в 1977 г.

Первым геем в парламенте стал Крис Смит, избранный в 1983 г. также лейбористами, которые, впрочем, на момент его избрания не знали о его ориентации, поскольку Смит совершил каминг-аут (открыто заявил о своей ориентации) лишь на следующий после выборов год. Именно 1980-е годы, когда у власти находилась открыто проводившая гомофобную политику Тэтчер, стали временем «расцвета бульварных выдумок и оскорблений», когда «было невозможно стать кандидатом или членом парламента без опасений

стать объектом демонизации со стороны таблоидов» [Shariatmadari, 2015], как вспоминает один из лейбористских кандидатов Питер Тэтчелл, открыто заявлявший о своей ориентации и ставший в 1983 г. объектом гомофобной критики со стороны политических конкурентов.

Добившись принятия так называемой поправки 28 о «запрете пропаганды гомосексуализма», «железная леди» сделала политическое пространство фактически недоступным для совершивших каминг-аут представителей ЛГБТ-сообщества. В итоге до конца 1990-х годов в парламенте успели побывать всего два гомосексуала, причем на момент избрания ни Кахун, ни Смит не заявляли о собственной гомосексуальности и сделали это уже в статусе членов парламента.

Закрытость партий и их нежелание расширять этническое и расовое представительство своей фракции в парламенте не могли способствовать расширению партийного электората, однако растущее в Британии расовое и этническое меньшинство и всё более политизировавшиеся женщины уже начиная с 1970–1980-х годов стали восприниматься ведущими политическими партиями как потенциальная и очень важная часть электората, привлечь которую можно было в том числе и большей представленностью в парламенте.

В действительности трансформация состава британского парламента развернулась с 1945 г.: первые послевоенные выборы стали моментом беспрецедентного и до этого, и после этого обновления состава Палаты общин: 51% депутатов (324 из 650), избранных в нее в июле этого года, впервые оказались в должности члена парламента [Audickas, Hawkins, Cracknell, 2016, p. 30]. И все же именно в 1980-е годы ведущие политические партии Британии, особенно проигрывавшие все выборы с конца 1970-х до конца 1990-х годов лейбористы, осознали необходимость перетягивания женщин как электората на свою сторону.

Дело в том, что после ряда поражений, связанных со значительным сдвигом партии влево, когда у власти в партии оказалось настроенное радикально левое крыло, лейбористы встали перед задачей преодоления представления о себе как о «партии, находя-

щейся под господством мужчин». Стремлением привлечь голоса женщин можно объяснить столь существенное внимание к проблемам гендерного равноправия и переход лейбористов в 1980–1990-е годы к политике позитивной дискриминации [Обеспечение равенства..., 2000, с. 92]. Немалую роль в этом сыграли и феминистки, которым удалось воспользоваться процессом реорганизации партии, начатым Нилом Кинноком в середине 1980-х годов и продолженным Джоном Смитом и Тони Блэром, и включить свои требования в программу партии.

Уже в апреле 1983 г. национальный исполком лейбористской партии опубликовал «Хартию об установлении равенства для женщин внутри партии», поставив целью увеличить участие женщин на всех уровнях партийной жизни. В предвыборном манифесте 1987 г. партия дала обещание в случае прихода к власти создать в стране министерство по вопросам женщин. Вновь оказавшись после выборов в оппозиции, лейбористы тем не менее действительно учредили в своем «теневом» кабинете пост министра по вопросам женщин, не имевший аналога в правительстве Тэтчер. Его заняла левая лейбористка Д. Ричардсон.

В этом же году ежегодная конференция партии приняла решение об обязательном включении женщин в короткие списки (в них значатся пять претендентов на место кандидата от партии в конкретном округе), которое было реализовано через два года. А уже в 1990 г. очередная партийная конференция одобрила целевую установку о том, что в 2000 г. женщины должны составить 40% всех лейбористских членов парламента. Чтобы приблизиться к этой цели, конференция 1993 г. приняла решение ввести в некоторых округах короткие списки, состоящие из одних женских имен. Их было решено ввести в половине «переходящих по наследству» округов (где ранее избранные лейбористские депутаты по тем или иным причинам не переизбираются) и в половине «наиболее надежных» округов.

На протяжении последующих двух лет политика женских коротких списков была реализована в 35 избирательных округах. Когда в январе 1996 г. Промышленный трибунал города Лидса, рассмотрев жалобы двух мужчин-претендентов, объявил использо-

вание женских коротких списков не соответствующим закону 1975 г. «О дискриминации по признаку пола», национальный исполнительный комитет лейбористской партии не стал оспаривать решение трибунала, но при этом отказался провести перевыборы в тех 35 избирательных округах, где женщины уже были выбраны в соответствии с новыми правилами.

В результате применения женских коротких списков всеобщие выборы 1 мая 1997 г. ознаменовались необычайно большим числом избранных в Палату общин женщин. Представительство женщин в парламенте выросло с 60 до 120; при этом были избраны 101 лейбористка, 13 женщин-консерваторов, 3 представительницы Либерально-демократической партии, 3 – Шотландской национальной партии [Audickas, Hawkins, Cracknell, 2016, p. 28].

Выборы 1997 г. были признаны историческим событием в продвижении женщин в британский парламент; при этом большинство исследователей полагают, что успех женщин был обусловлен прежде всего новой предвыборной тактикой лейбористской партии: 35 лейбористок были избраны на основе использования принципа позитивной дискриминации в форме женских коротких списков.

Характерно, что из 159 кандидаток от лейбористов победила 101 женщина (63,9%), из 67 от консерваторов – лишь 13 (19,4%), а из 142 от либерал-демократов – только 3 (2,1%) [Peake, 1997, p. 172–173]. Очевидно, что в консервативной партии основным барьером для женщин было выдвижение своей кандидатуры, поскольку лишь каждый десятый консервативный кандидат был женщиной. Что же касается либеральных демократов, то для женщин в их рядах главным препятствием стали сами выборы: хотя более 20% кандидатов от либеральных демократов были женского пола, лишь 2% победили.

Выборы 1997 г. стали историческими и в перераспределении предпочтений женского электората: с начала 1990-х годов консервативная партия стала терять некогда гарантированные ей женские голоса, особенно поддержку молодых избирательниц. Уже на выборах 1992 г. молодые женщины в массе своей голосовали за лейбористов (таких было на 13% больше, чем тех, кто проголосовал

за консерваторов), в то время как молодые мужчины, напротив, склонялись к консерваторам.

Совершенно иная картина наблюдалась среди избирательниц среднего и старшего возрастов: 49% женщин старше 55 лет отдали свои голоса консерваторам и во многом обеспечили победу партии на выборах [How Britain..., 1992]. Выборы 1997 г. стали первыми за послевоенную историю страны, когда за лейбористов проголосовало на 12% больше женщин, чем за консерваторов [How Britain..., 1997], а в 2005 г. впервые за консерваторов женщин проголосовало меньше, чем мужчин (на 2%) [How Britain..., 2005]. Подобные изменения в электоральных предпочтениях большинством исследователей расцениваются как симптом серьезнейшего кризиса гендерной политики консервативной партии Великобритании, назревавшего в течение всего XX столетия.

Выборы мая 1997 г. способствовали не только резкому увеличению представительства женщин в парламенте, но и в целом существенному обновлению его состава: в то время как с 1979 по 1992 г. средний уровень обновляемости Палаты составлял 20%, последние в XX в. выборы привели в парламент 245 новых членов, составивших 37% от общего состава законодателей [Audickas, Hawkins, Cracknell, 2016, p. 30]. Симптоматично, что 178 из них были новыми членами лейбористской фракции, в то время как консервативное представительство в Палате общин обновилось лишь на 20%, по-прежнему позволяя говорить о партии как об узкой и элитарной компании белых мужчин старшего возраста (13 женщин, ни одного депутата от меньшинств, средний возраст парламентариев-консерваторов – 50 лет).

Доминирование лейбористов в привлечении женщин в ряды сторонников партии усилилось и в связи с тем, что благодаря их действиям в 2002 г. был принят парламентский акт «О дискриминации по признаку пола (в отношении кандидатов на выборах)» [Sex Discrimination..., 2002], который разрешил политическим партиям по желанию принимать любые меры для уменьшения неравенства среди мужчин и женщин и исключал эти меры из сферы действия закона о дискриминации по признаку пола. Акт изначально был действителен до 2015 г., но уже в 2008 г. был продлен до

2030 г. Принятие нового закона стало ответом на озабоченность общества сокращением представительства женщин в Палате общин в результате выборов 2001 г.

Впрочем, изменение законодательства не отразилось существенно на результатах выборов в парламент в 2005 г., по итогам которых количество женщин в Палате общин увеличилось лишь на 10% по сравнению с 2001 г. и на 8% по сравнению с 1997 г., что сохраняло представительство женщин в парламенте на уровне менее 20% [Audickas, Hawkins, Cracknell, 2016, p. 28]. Выборы 2005 г., однако, стали крайне важны для консерваторов, которые в третий раз потерпели поражение и вновь столкнулись с недостаточным голосованием женщин за них (32% женщин по сравнению с 38%, проголосовавшими за лейбористов) [How Britain..., 2005].

Подобные неутешительные итоги во многом были связаны с отсутствием ярких политиков-женщин и представителей меньшинств среди консерваторов, которые продолжали восприниматься партией богатых белых мужчин, получивших элитарное образование. Так, из консервативных кандидатов, выставленных на выборы 2005 г., представители этнических меньшинств составляли 6%, тогда как в общей численности населения последние насчитывали на тот момент 8% и имели тенденцию к быстрому росту.

Всё это заставило консервативных партийных функционеров в 2005 г. фактически применить тактику лейбористов и начать борьбу за женскую часть электората путем увеличения женского представительства в парламенте. Консерваторы попытались стать партией, открытой и для представителей этнических и расовых меньшинств. На выборах 1997 г. за консерваторов проголосовали 17% последних, и, хотя это было вдвое больше, чем на выборах, принесших победу Тэтчер в 1979 г. [Garbaye, 2005, p. 52], такое положение было признано неудовлетворительным.

Показательной в этом отношении стала речь нового лидера партии Дэвида Кэмерона 12 декабря 2005 г. в Лидсе (через шесть дней после официального провозглашения лидером партии), в которой было заявлено о начале широкомасштабной кампании по расширению представительства женщин, этнических меньшинств и людей с ограниченными возможностями в составе партии и ее

парламентской фракции. Была подчеркнута необходимость так называемых позитивных действий: побуждение самих женщин и представителей этнических и расовых меньшинств выставлять свои кандидатуры, организация финансовой помощи, проведение для них методических конференций и семинаров и т.д. [Full text., 2005].

Сам Кэмерон заявлял в своей речи, что «собирается изменить лицо консервативной партии путем изменения лиц, представляющих партию», ибо «голос современной Британии – это сложная гармония, а не хор из мужских голосов» [Ibid]. Увеличением числа представительниц в парламенте консервативная партия пыталась ответить на вызовы многоликой Британии. В основе радикальных реформ Кэмерона – «Тони Блэра для тори», как поспешила окрестить молодого лидера пресса, – лежала, по его собственному утверждению, идеология «сострадательного консерватизма», надежда, что озвученные им реформы смогут изменить подпорченные 11 годами жесткого правления Тэтчер взаимоотношения партии с активистками женского движения. Логичным поэтому стало создание по инициативе Терезы Мэй женского движения «Women2 Win», нацеленного на увеличение числа женщин-консерваторов в парламенте.

В результате в 2010 г. консерваторы смогли увеличить женское представительство в своей парламентской фракции почти втрое: вместо 17 в 2005 г. они провели в Палату общин 49 женщин, а в мае 2015 г. увеличили это представительство до 68 человек [Audickas, Hawkins, Cracknell, 2016, p. 28]. Вообще на выборах 2010 г. было избрано 227 новых членов британского парламента (35% от общего состава в 650 депутатов), на выборах 2015 г. – 177 (27%). Для сравнения, в 2005 г. новыми стали 119 членов парламента (18% от общего состава), что сделало результаты выборов 2010 г. самыми значимыми в начале XXI в. с точки зрения обновления состава представительного органа.

Значительная обновляемость британского парламента в результате последних всеобщих выборов в целом свидетельствует о готовности ведущих политических партий к включению в свой состав новых сил, способных модернизировать как партию, так и сам

процесс политической деятельности. Однако это не всегда сопровождается реальным привлечением представителей миноритарных групп в высшие эшелоны политики.

В итоге доступ в британский парламент остается достаточно ограниченным, и во многом это связано с низким уровнем социальной мобильности в британском обществе. Так, по результатам исследований, проведенных сотрудниками благотворительной образовательной организации «Саттон траст», в Англии сильнее, чем в других европейских странах, проявляется зависимость карьеры детей от социального происхождения и образования, полученного их родителями. В результате карьерные успехи, в том числе (а возможно, в первую очередь) в политике, оказываются напрямую связаны с тем образованием, которое получает британец: в парламенте, избранном в 2015 г., несколько снизилась (с 35 до 32%) доля тех, кто ходил в частные школы, но это снижение еще не позволяет говорить о равных шансах выпускников государственных и частных школ попасть в число представителей парламентской элиты.

В Британии сильнее, чем где-либо в Европе, действует цепочка: привилегированная частная школа – привилегированный университет – высшие карьерные позиции – парламент. Подавляющее большинство ныне действующих членов парламента (89%) получили университетское образование, при этом больше четверти из них обучались в «Оксбридже». Выпускники Оксфордского и Кембриджского университетов имеют заведомо более высокие шансы пробиться в высшие политические слои Британии [Parliamentary privilege., 2015], большинство из них являются белыми представителями высших слоев общества.

Подобные характеристики относятся не только к консерваторам (хотя доля выпускников элитных школ среди них, безусловно, выше), но и к лейбористам, в составе которых всё меньше выходцев из рабочего класса. Модернизация партии, осуществленная новыми лейбористами во главе с Блэром, в совокупности со структурной перестройкой экономики Британии существенно трансформировали социальный состав партии, и если в 1964 г. 37% парламентариев-лейбористов были выходцами из профессий,

связанных с физическим трудом, то в Палате общин 2015 г. таких оказалось лишь 7%.

Ослабление связи лейбористов с рабочей средой, по мнению многих исследователей, вынуждает рабочих ощущать свою ненужность для ведущих политических партий и либо приводит к их низкой явке на выборы, либо превращает в электорат, подвластный популистским лозунгам, что достаточно внятно продемонстрировали результаты *Брексита*, где именно рабочие практически единогласно голосовали за выход из ЕС [Bloodworth, 2016].

Выборы 2010 и 2015 гг. продемонстрировали по большому счету провал политики консерваторов по привлечению электората африканского и азиатского происхождения и продвижению их представителей в парламент: избрав соответственно 11 и 17 парламентариев из меньшинств, партия смогла добиться поддержки лишь 16 и 23% этого электората [How Britain., 2010; How Britain., 2015].

Интересно при этом, что неудача консерваторов по привлечению электората из этнических и расовых меньшинств не означала его сохранение на стороне лейбористов: если до 1990-х годов за них голосовали до 90% избирателей из нацменьшинств, то на выборах 2010 и 2015 гг. лейбористы получили лишь 60 и 65% соответственно. Возрастающий абсентеизм позволяет ответить на вопрос о том, куда уходят голоса меньшинств: при общей явке на выборы в 2015 г. 66% участие меньшинств составило лишь 56%. Можно сделать вывод, что они не видят ни в одной из партий действительно-го защитника своих интересов, а существующие электоральные предпочтения можно считать данью традициям.

Так, М. Эшкрофт, проведший исследование с более чем тремя тысячами респондентов, делает вывод о глубоко укорененных в истории причинах голосования представителей меньшинств за лейбористов: первые иммигранты из бывших колоний занимали прежде всего рабочие места, связанные с физическим трудом, селились в рабочих кварталах, вступали в профсоюзы, что автоматически делало лейбористскую партию той силой, которую они воспринимали в качестве своего представителя. В то же время консерваторы на протяжении второй половины XX в. воспринима-

лись партий, негативно относящейся к иммигрантам, и образ Инока Пауэлла, восклицającego про потоки крови на британских улицах, до сих пор не может быть преодолен консерваторами, несмотря на все усилия Д. Кэмерона.

Современные консерваторы продолжают считаться в этой среде элитарной партией, негативно воспринимающей идею интеграции этнических и расовых меньшинств. Основанием служит неприятие консерваторами идеи мультикультурализма, отчетливо выраженное в речи Кэмерона на Мюнхенской конференции 2011 г. и его критических высказываниях в отношении иммигрантского населения во время летних бунтов того же года [Ashcroft, 2012].

Аналогичным образом нельзя сказать, что ведущие британские партии серьезным образом продвинулись в вопросе представительства в парламенте женщин. Хотя их доля несопоставимо выше доли этнических и расовых меньшинств (на выборах 2010 г. были избраны 143 женщины, а на выборах 2015 г. – 191 женщина), представительницы женского пола продолжают составлять менее 30% от общего числа парламентариев, а цифра в 30% считается большинством исследователей и представителями международных организаций критическим минимумом проведения парламентом гендерно ориентированной политики. Ни лейбористы, ни консерваторы не смогли продвинуть Британию в вопросах равных прав и возможностей для женщин до уровня Скандинавских стран. Вспоминая о планах лейбористов достичь 50%-ной доли женщин в парламенте, Скарлетт Макгвайр в статье с красноречивым названием «Как углубился гендерный разрыв Блэра» предупреждала, что нужны радикальные действия для того, чтобы добиться столь значительных изменений [McGwire, 2001].

Еще хуже с продвижением гендерной повестки обстояло дело в период нахождения у власти коалиции консерваторов и либеральных демократов, а затем одних консерваторов во главе с Кэмероном. Кэмерон продолжил активно призывать женщин к вступлению в консервативную партию и продвижению в ее рамках в политику и после выборов 2010 г.: так, в интервью 2013 г. он даже назвал себя «феминистом» [David Cameron., 2013]. Однако декларативные призывы, заявления премьер-министра о верности идее

равноправия полов не помогли консервативной партии улучшить положение женщин.

Политика правительства Кэмерона не способствовала росту доходов женщин, не создавала дополнительные рабочие места, которые могли бы помочь женщинам преодолеть разницу в оплате труда, не была направлена на принятие конкретных мер по обеспечению женщинам-кандидатам наиболее надежных избирательных округов (несмотря на многочисленные обещания премьер-министра), не оправдала обещание лидера партии предоставить женщинам 30% министерских постов [Annesley, Gains, 2014]. Символичным стал отказ Кэмерона в 2014 г. принять участие в кампании общества «Фосетт» и сфотографироваться в футболке с надписью «Именно так выглядит феминист», в отличие от сделавших фотографии лидеров двух других ведущих политических партий [Khaleeli, 2014].

Как ни странно, наиболее существенное продвижение в вопросе открытости британского парламента для представителей миноритарных групп произошло в отношении гомосексуалов: в ныне действующем парламенте 35 открытых представителей ЛГБТ-сообщества, составляющих чуть более 5% от общего числа членов парламента и тем самым практически в точности воспроизводящих гипотетическую численность этого сообщества в стране [Mogul, 2016]. В целом в парламент в 2015 г. баллотировалось более 150 кандидатов, открыто заявлявших о своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Более того, в январе 2016 г. Дэвид Манделл стал первым открытым геем в консервативном правительстве (до этого министерские посты геи занимали только в лейбористских кабинетах, а первым из них стал уже упоминавшийся Смит, назначенный в 1997 г. секретарем по вопросам культуры).

Увеличение представительства ЛГБТ-сообщества в британском парламенте и политике можно считать следствием политики правительства Кэмерона, так как именно оно легализовало однополые браки в 2014 г. Не случайно в момент роспуска в 2015 г. предшествующего парламента именно во фракции тори было больше всего открытых геев и лесбиянок (13 против 9 лейбористов и 4 либеральных демократов) [Reynolds, 2015, p. 2].

Современная ситуация в деле продвижения ведущими британскими партиями представителей расовых, этнических, гендерных, сексуальных меньшинств позволяет сделать вывод о том, что зачастую выступления лидеров партий за равенство прав остаются словами, нацеленными на повышение репутации партии, и мотивированы исключительно желанием привлечь соответствующий электорат. Наличие депутатов, избранных от миноритарных групп, еще не свидетельствует о существенных сдвигах в вопросах обеспечения равенства прав и возможностей. В результате британские парламентарии остаются элитарной группой, недостаточно отражающей реальный состав населения современного Соединенного Королевства.

Список литературы

- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. – М., 2016. – № 2. – С. 38–72.
- Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2008. – Т. 11, № 1. – С. 50–70.
- Миллс Р. Властвующая элита. – М.: Директмедиа паблишинг, 2007. – 844 с.
- Моска Г. Правящий класс // Социс. – М., 1994. – № 10. – С. 187–198.
- Мохов В.П. Циркуляция элит: Проблема критериев процесса // Власть и элиты / А.В. Дука (ред.). – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 4–18.
- Обеспечение равенства полов: Политика стран Западной Европы / Под. ред. Ф. Гардинер; Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 312 с.
- Парето В. Трансформация демократии. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. – 207 с.
- Чикалова И.Р. Партии и власть в США и Великобритании: Гендерная политика в 1970–1990-е годы. – Минск: Тесей, 2000. – 288 с.
- Чикалова И.Р. Идеология и политические действия британских консерваторов и лейбористов в отношении женщин // Журнал исследований социальной политики. – М.: Высшая школа экономики, 2003. – Т. 1, № 3–4. – С. 371–393.
- Ali R., O'Cinneide C. Our house?: Race and representation in British politics. – L.: Institute for public policy research, 2002. – 107 p.

Annesley C., Gains F. Can Cameron capture women's votes? The gendered impediments to a conservative majority in 2015 // *Parliamentary Affairs*. – Oxford: Oxford univ. press, 2014. – Vol. 4, Issue 67. – P. 767–782.

Ashcroft M. Degrees of separation: Ethnic minority voters and the Conservative Party. – L.: Biteback Publishing, 2012. – 56 p.

Audickas L., Cracknell R., Wood J. Ethnic minorities in politics and public life. – L.: House of Commons, 2016. – 28.06. – 12 p. – (Briefing paper; N SN01156). – Mode of access: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN01156/SN01156.pdf> (Дата обращения – 01.11.2016).

Audickas L., Hawkins O., Cracknell R. UK election statistics: 1918–2016. – L.: House of Commons Library, 2016. – 07.07. – 91 p. – (Briefing paper; N CBP7529). – Mode of access: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (Дата обращения – 01.11.2016).

Bloodworth J. A lack of working class MPs opens the door to nasty populism // *International business times*. – L., 2016. – 05.09. – Mode of access: <http://www.ibtimes.co.uk/lack-working-class-mps-opens-door-nasty-populism-1579767> (Дата обращения – 02.11.2016).

Brunt R. Thatcher uses her woman's touch // *Marxism today*. – Birmingham: Birmingham Printers, 1987. – Vol. 31, Issue 6. – P. 22–24.

David Cameron: «I am a feminist» // *The Guardian*. – L., 2013. – 02.10. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2013/oct/02/david-cameron-i-am-feminist> (Дата обращения – 02.11.2016).

Full text of David Cameron's speech // *The Guardian*. – L., 2005. – 12.12. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2005/dec/12/conservatives.davidcameron> (Дата обращения – 02.11.2016).

Garbaye R. Getting into local power: The politics of ethnic minorities in British and French cities. – Oxford: Blackwell Publishing, 2005. – 288 p.

Guttsman W.L. The British political elite and the class structure // *Elites and power in British society* / P. Stanworth, A. Giddens (Eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1974. – 261 p.

How Britain voted in 1992 / Ipsos MORI. – 1992. – Mode of access: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/2799/How-Britain-Voted-in-1992.aspx> (Дата обращения – 01.11.2016).

How Britain voted in 1997 / Ipsos MORI. – 1997. – Mode of access: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/2149/How-Britain-Voted-in-1997.aspx> (Дата обращения – 01.11.2016).

How Britain voted in 2005 / Ipsos MORI. – 2005. – Mode of access: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/poll.aspx?oItemId=2252&view=wide> (Дата обращения – 01.11.2016).

How Britain voted in 2010 / Ipsos MORI. – 2010. – Mode of access: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/2613/How-Britain-Voted-in-2010.aspx?view=wide> (Дата обращения – 02.11.2016).

How Britain voted in 2015 / Ipsos MORI. – 2015. – Mode of access: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3575/How-Britain-voted-in-2015.aspx> (Дата обращения – 02.11.2016).

Jenkins T.A. Parliament, party and politics in Victorian Britain. – Manchester: Manchester univ. press, 1996. – 181 p.

Jones B., Northon P. Politics UK. – L.; N.Y.: Routledge, 2013. – 606 p.

Khaleeli H. David Cameron: This is not what a feminist looks like // The Guardian. – L., 2014. – 27.10. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/oct/27/david-cameron-this-is-not-what-a-feminist-looks-like> (Дата обращения – 02.11.2016).

Khan S.R. The sociology of elites // Annual rev. of sociology. – Palo Alto: Annual Reviews Inc., 2012. – Vol. 38. – P. 361–377.

McGwire S. How Blair's gender gap widened (possible decrease in number of women members of British Parliament) // New Statesman. – L., 2001. – Vol. 130, Issue 4520. – Mode of access: <http://www.newstatesman.com/node/193856> (Дата обращения – 02.11.2016).

Mogul P. UK has highest number of LGBT politicians in the world // International business times. – L., 2016. – 22.02. – Mode of access: <http://www.ibtimes.co.uk/uk-has-highest-number-lgbt-politicians-world-full-list-west-ministers-gay-mps-1545270> (Дата обращения – 02.11.2016).

Norris P. A gender-generation gap? // Critical elections: Voters and parties in long-term perspective / G. Evans, P. Norris (Eds.). – L.: Sage, 1999. – 310 p.

Norris P. Mobilising the 'women's vote': The gender-generation gap in voting behaviour // Parliamentary affairs. – Oxford: Oxford univ. press, 1996. – Vol. 49, Issue 2. – P. 333–342.

Parliamentary privilege – The MPs 2015. – L.: The Sutton Trust, 2015. – May. – (Research Brief; Edition 4). – Mode of access: <http://www.suttontrust.com/wp-content/uploads/2015/05/Parliamentary-Privilege-The-MPs-2015-2.pdf> (Дата обращения – 02.11.2016).

Peake L. Women in the campaign and in the Commons // Labour's Landslide: The British general election 1997 / A. Geddes, J. Tonge (Eds.). – Manchester: Manchester univ. press, 1997. – 211 p.

Politics UK / B. Jones, P. Norton (Eds.). – L.: Routledge, 2014. – 640 p.

Reynolds A. LGBT MPs and candidates in the British General Election May 2015: The state of play (Press release) / LGBT representation and rights research initiative, University of North Carolina, Chapel Hill (USA). – 2015. –

16.04. – 12 p. – Mode of access: <https://globalstudies.unc.edu/files/2013/11/UKLGBTCandidatesMPs2015April16.pdf> (Дата обращения – 16.10.2016).

Sex Discrimination (Election Candidates) Act 2002 / Legislation.gov.uk.– 2002. – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/2/enacted?view=interweave> (Дата обращения – 02.11.2016).

Shariatmadari D. The quiet revolution: Why Britain has more gay MPs than anywhere else // The Guardian. – L., 2015. – 13.05. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2015/may/13/quiet-revolution-britain-more-gay-mps-than-anywhere-else-lgbt> (Дата обращения – 01.11.2016).

The Global Gender Gap Report 2015 / World Economic Forum. – 2015. – 387 p. – Mode of access: <http://www3.weforum.org/docs/GGGR2015/cover.pdf> (Дата обращения – 02.11.2016).

Walter N. The new feminism. – L.: Virago, 1999. – 278 p.